

УДК 332.12

А. О. Подоплёкин

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук, Архангельск, e-mail: podoplekin@mail.ru

АРКТИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ КАНАДЫ, НОРВЕГИИ И США: МОДЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В 2010-Е ГОДЫ

Ключевые слова: арктические регионы, Канада, Норвегия, США, структура экономики, модели экономического развития, диверсификация, вклад в ВВП.

В статье рассматриваются основные результаты экономического развития арктических регионов Канады, Норвегии и США в первом двадцатилетии XXI в. На основе данных органов государственной статистики указанных стран показано, что в данных странах сложились модели, принципиально различающиеся степенью вклада государственного сектора в ВВП, структурой местной экономики и зависимостью территорий от государственного бюджета. Приводимые данные позволяют заключить, что в арктических провинциях Норвегии сформирована наиболее диверсифицированная структура хозяйства, обеспечивающая высокий уровень их самодостаточности и вклада в ВВП. Внутри-страновые особенности экономических моделей в арктических регионах Канады, Норвегии и США актуальны ввиду внутренней неоднородности секторов Арктической зоны РФ (Евро-Арктический, Уральско-Красноярский и Дальневосточный), которые, в свою очередь кардинально различаются между собой по таким характеристикам, как заселённость, отраслевая структура экономики, наличие научно-образовательных платформ, транспортная доступность и др.

А. О. Podoplekin

Federal Research Center for the Comprehensive Study of the Arctic named after academician N.P. Laverov, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, e-mail: podoplekin@mail.ru

ARCTIC REGIONS OF CANADA, NORWAY AND USA: MODELS AND RESULTS OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE 2010S

Keywords: Arctic regions, Canada, Norway, USA, economic structure, economic development models, diversification, contribution to GDP.

The article examines the main results of the economic development of the Arctic regions of Canada, Norway and the United States in the first twenty years of the XXI century. Based on the data of the state statistics bodies of these countries, it is shown that these countries have developed models that fundamentally differ in the degree of the public sector's contribution to the GRP, the structure of the local economy, and the dependence of the territories on the state budget. The data presented allow to conclude that the most diversified structure of the economy has been formed in the Arctic provinces of Norway, ensuring a high level of their self-sufficiency and contribution to GDP. Intra-country features of economic models in the Arctic regions of Canada, Norway and the United States are relevant due to the internal heterogeneity of the sectors of the Arctic zone of the Russian Federation (Euro-Arctic, Ural-Krasnoyarsk and Far Eastern), which, in turn, radically differ from each other in such characteristics as population density, sectoral structure of the economy, availability of scientific and educational platforms, transport accessibility, etc.

Введение

Первое двадцатилетие XXI века – период вызревания и уточнения современных «арктических политик», причём не только государств Арктики. Само по себе выделение Арктики в отдельное направление национальной политики приарктических государств в целом отражает стремление к дальнейшему освоению территорий и ресурсов за счёт пространств, ранее малопригодных

для проживания и экономической деятельности ввиду имевшегося уровня энергетики и технологий. Во втором десятилетии XXI в. намечилось очевидное смещение акцентов этой политики в сторону устойчивого сбалансированного развития территорий и местной экономики, повышения качества жизни населения, реагирования на угрозы для среды обитания и инфраструктур, возникающие в условиях изменения климата.

Научно-прикладное решение задач сбалансированного развития арктических территорий России закономерно формирует запрос на анализ и адаптацию аналогичного зарубежного опыта. При этом следует учитывать, что сама АЗРФ имеет существенную внутреннюю дифференциацию, не обладает внутренней однородностью с точек зрения истории заселения и освоения, демографических и климатических условий, качественных и количественных показателей промышленности и инфраструктуры.

Цель исследования: выявление результатов политики экономического развития арктических территорий Канады, Норвегии и США в 2000-е годы, в том числе с точки зрения их актуальности для национальной политики России в сфере освоения Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ).

Материалы и методы исследования

Исследование основывается на обобщении и анализе данных органов государственной статистики перечисленных стран, а также на положениях, изложенных в российской и зарубежной научной литературе.

Результаты исследования и их обсуждение

В течение первого десятилетия реализации арктических стратегий в Арктике в целом ВРП на душу населения сохранялся на большем уровне, нежели в неарктических регионах, что особенно заметно на примере территорий РФ, Канады и США, где производилась добыча минерального сырья на экспорт. В межстрановом разрезе самый высокий ВРП на душу населения среди арктических регионов отмечен в 2015–2018 гг. в Канаде, США и РФ. На арктических территориях Норвегии в этот период производилась меньшая добавленная стоимость на душу населения, чем в южных районах страны, где добывается основная часть норвежской нефти (при этом углеводороды, добываемые на арктическом шельфе не учитываются в ВРП трёх северных провинций Норвегии). Регионы каждой из также характеризуются превышением уровня располагаемых доходов по сравнению с южными территориями. регионах.

Сопоставление динамики экономического (роста Канады, Норвегии и США с 2012 г. показывает существенные различия. до конца 2018 г. во всех арктических регионах

этих стран ВРП на душу населения и располагаемые доходы превышали аналогичный показатель для прочих регионов на разницу в 10–20%. В Канаде и Норвегии показатели экономического роста в циркумполярных субъектах (изменение ВРП, рассчитанного по паритету покупательной способности) превышали соответствующее страновое значение, тогда как в США при общестрановом повышении этого показателя прим. на 2,5% в Аляске из-за падения мировых цен на нефть в 2015 г. зафиксирован спад на 1,3%.

Для Канады Арктика до сих пор не является движущей силой национального экономического роста, а отсутствие инфраструктуры является серьёзным препятствием для крупномасштабных инвестиций. Доля арктических провинций Канады в национальном производстве нефти невелика, хотя разведанные и технически извлекаемые запасы нефти в канадской Арктике оцениваются в 1,24 млрд баррелей на Северо-Западных территориях и 18,2 млрд баррелей – предполагаемые запасы в Нунавуте. Основная часть разведанных запасов природного газа находится на СЗТ (св. 460 млрд куб. м., из них ок. 40 % на шельфе), запасы в Юконе – 227 млрд куб. м.

В целом Канада производит основную часть нефтегазовых ресурсов не в Арктике, где протяжении двух десятилетий XX в. их добыча постоянно сокращалась. В 2016–2018 гг. был закрыт нефтепровод «Norman Wells», а поставки арктической канадской нефти почти прекратились. В 2016 г. федеральное правительство объявило, что оффшорная добыча, в т.ч. на шельфе СЗТ, приостанавливается на неопределённый срок, а выданные лицензии подлежат пересмотру каждые пять лет.

Другая важная добывающая отрасль на арктических территориях Канады – алмазная, объём выработки которой до 2019 г. практически не увеличивался. В течение первого десятилетия XXI в. вклад горнодобывающих предприятий в ВРП этих территорий не изменялся, тогда как соответствующий показатель для нефтедобывающей промышленности в 2008–2018 гг. кардинально снизился. Вследствие этого ведущей отраслью, показывающей наибольший удельный вклад в ВРП Юкона, Нунавута и СЗТ, стал государственный сектор, в т.ч. секторы здравоохранения и образования.

К концу 2010-х гг. вклад добывающих отраслей и государственного сектора в ВРП практически сравнялся, приблизившись к 20% для каждой (следующие за ними: недвижимость, аренда и лизинг – прим. 10,8%, строительство – ок. 9,3%, здравоохранение и социальное обслуживание – 7,8%). При этом показатель для нефтегазовой отрасли снизился до 8%, причины чего были связаны не только с динамикой мирового спроса на нефть в середине 2010-х, но и с решениями по закрытиям трубопроводов.

В 2000–2019 гг. ВРП самых северных регионов Канады увеличивался в среднем на 2,5% в год, причём самые высокие темпы роста наблюдались в начале 2000-х гг. и в 2007 г. из-за темпов роста в сфере добычи алмазов. В 2018 г. ВРП на душу населения в арктической Канаде составил 75 тыс. долл. США по ППС, что на 50% выше такого же показателя для южного пояса субъектов Канады. В циркумполярных регионах Канады на конец 2018 г. уровень располагаемых доходов находился на уровне 30 тыс. долл. США по ППС, что было на 17% выше, чем в южно-канадских (прим. 26 тыс. долл. США по ППС).

На арктических территориях Канады проживают 0,3% всего населения страны, там, в среднем для второй половины 2010-х гг., производится ок. 0,5% совокупного ВРП Канады. Территории этих регионов характеризуются затруднёнными условиями для развития частного бизнеса и сдерживающим уровнем издержек для оказания услуг населению, собственные источники для пополнения субъектовных бюджетов крайне ограничены. Федеральные трансферты – важнейший источник доходов территорий: в 2017 г. они составили 88,3% всех доходов Нунавута, 80,3% – в Юконе и 64,8% – в СЗТ, тогда как средне-канадский показатель был всего 21,2%. На государственный сектор, включая управление, оборону, образование, здравоохранение и социальную помощь, приходилось 33,6% ВРП приарктической Канады.

В 2008–2017 гг. объём добавленной стоимости производившейся в госсекторе трёх северных провинций Канады, увеличивался в среднем в год на 4,5–4,7%, тогда как этот же показатель в добывающей отрасли планомерно снижался на 1,7–1,9% в год. В результате за десятилетие удельный вклад государственного сектора в ВРП по трём ре-

гионам вырос на 6,3% или до 33,6% в 2017 г., тогда как для добывающей промышленности эти показатели снизились на 8,9% или 19,9%. Таким образом, к концу 2010-х гг. состоялся качественный переход в сторону доминирующей роли государственного сектора в региональной экономике.

Арктический регион США штат Аляска имеет специфическую структуру хозяйства также с преобладающей ролью добывающей отрасли. В штате ведётся добыча золота, серебра, цинка и свинца, однако главная отрасль промышленности – нефтедобыча. Аляска обеспечивает порядка 20% общей добычи США (второе место после Техаса). Доходы от нефтяной отрасли составляют около 90 % общего объёма поступлений в региональный бюджет, ок. 50 % занятых связаны с нефтяной промышленностью. В 2010-е гг. регулирование добычи нефти и газа отличалась непоследовательностью, большая часть участков на шельфе закрыта на неопределённое время. Ситуация с корпоративной собственностью в аренде нефти и связанной с нефтью инфраструктуры меняется, поскольку крупные нефтяные компании переключают своё внимание на регионы за пределами Аляски. Это создаёт возможности для небольших компаний, заинтересованных в разведке и разработке месторождений нефти в штате. Основным препятствием на пути разработки газовых ресурсов и причиной высокой себестоимости добычи нефти остаются технические ограничения трубопроводной инфраструктуры.

К исходу 2010-х гг. основу экономики Аляски составляла нефтяная промышленность, однако месторождение Прудхо-Бэй на Северном склоне долгое время находилось в стадии упадка, и новые месторождения не могли это компенсировать. Темпы реального экономического роста во второй половине 2010-х гг. были отрицательными, шло снижение занятости. На протяжении 2015–2018 гг. удельный вклад нефтегазовой промышленности в ВРП Аляски сократился на 6,8%, при общем приросте самого ВРП штата на 4,7%. нефте- и газодобыча по вкладу в ВРП опустилась на второе место (10,6%), уступив сектору государственного управления и обороны (22,8%).

Доход от трубопроводного транспорта вырос примерно на 40%, его доля в ВРП увеличилась с 6,8% до 8,4%. Прочие добывающие отрасли показали рост в примерно 40%,

а их доля в ВРП изменилась с 2,5% на 3,3%. Удельный вес обрабатывающей промышленности в экономике Аляски остаётся низким, не превышая 3,7% (2018 г.). Наравне с арктическими регионами Норвегии и особенно Канады, на Аляске заметная роль в экономике принадлежит государственно-му сектору. Сфера госуправления во второй половине 2010-х гг. росла темпами вдвое большими, чем экономика в целом, её вклад в ВРП вырос с 21,8% до 22,8%.

Экономическое развитие Аляски в 2000-е гг. является модельным примером с точки зрения взаимовлияния циклов мировой нефтегазовой отрасли, демографии и структуры регионального хозяйства: бум добычи на Прудхо-Бэй (3% мировой добычи в 1980-е гг.) и строительство трубопровода обеспечили приток работников трудоспособного возраста и устойчивый рост населения. В 1980-е – начале 2000-х население штата было в среднем молодым, однако в 2010-е гг. со стабилизацией численности населения начался рост доли пожилых людей, а доля жителей трудоспособного возраста сокращается синхронно со спадом в нефтегазовой отрасли.

Возникло сочетание зависимости штата от добычи нефти с ограниченным внутренним спросом, с нулевым ростом населения и с увеличивающейся долей жителей старше трудоспособного возраста, имеющих сбережения. Растущее число пенсионеров обеспечивает приток пенсионных средств из-за пределов штата, которые по объёму сопоставимы с притоком средств от туристов. Расходы пенсионеров, а также расходы на здравоохранение, финансируемые государством, стали значительным источником экономической диверсификации на Аляске.

К 2019 г. ВРП на душу населения и уровень располагаемых доходов на Аляске превышали эти аналогичные средние показатели по США незначительно – ок. 12 и 8 тыс. долл. США соответственно. Превышение располагаемых доходов на Аляске над средним по США частично обеспечивается отсутствием доли штата в налоге на доходы, а также высокими уровнями зарплат в добывающих отраслях. Также в этом превышении имеется доля ежегодных дивидендов, выплачиваемых резидентам штата из Постоянного фонда Аляски, и выравнивающих различия в их доходах.

С другой стороны, поскольку Постоянный фонд являлся одним из источников финансирования государственного сектора и инвестиций в инфраструктуру, то эти сферы оказались чувствительны к глобальным колебаниями на мировом нефтегазовом рынке в 2000-е гг.

Норвегия входит в группу приарктических государств, где добывающая отрасль формирует менее 10% ВВП, хотя в масштабах Европы Норвегия – страна – лидер по добыче природного газа. Вклад нефтегазовой отрасли страны в ВВП составляет более 20%, а в экспортную выручку – более 45%. В норвежской модели, несмотря на унитарное государственное устройство, налогообложение нефтяных компаний, добывающих на шельфе, основано на Законе о нефтяном налогообложении. Стратегической задачей признано обеспечить значительный государственный доход от нефтегазовой деятельности (в 2014 г. они составили около 30% всех государственных доходов) и при этом поддерживать высокий уровень активности на шельфе. Нефте- и газодобывающие предприятия, кроме общих для всех корпоративных налогов, выплачивают арендную плату за лицензионную площадь и экономический налог. Но главным элементом налогообложения в отрасли является специальный нефтяной (газовый) налог. Его величина меняется в зависимости от конъюнктуры рынка, что делает всю систему самонастраивающейся в зависимости от прибыли нефтяных компаний.

Главный объект норвежской добычи углеводородного сырья непосредственно в арктических районах – месторождение «Snøhvit». В 2023 г. планировался ввод в эксплуатацию нефтяного месторождения Йохан Кастберг, проектируемый срок добычи – 30 лет, начиная с 2023 г. В настоящее время возможности выдачи лицензий на разведку и разработку в ИЭЗ Норвегии в арктической акватории определяются в том числе плотностью и границами кромки льда. В 2020 г. норвежское правительство переместило её утверждённую границу на север, с допущением наличия морского льда в течение 30% года.

Развитие приарктических провинций Норвегии во втором десятилетии XXI осуществлялось в условиях диверсифицированной структуры экономики и изначально незначительного влияния нефте- и газо-

бычи. Рыболовство, ставшее когда-то одной из предпосылок возникновения Норвегии, в XX в. было дополнено высокотехнологичной аквакультурой. На долю этих отраслей к концу 2010-х гг. приходилось св. 11% совокупного ВРП Финнмарка, Тромс и Нурланда, а также существенная часть занятости.

Совокупный ВРП всей арктической Норвегии в 2015–2019 гг. увеличился на 20%. С запуском завода по производству СПГ в Мелкёйя (г. Хаммерфест) для переработки сырья со «Snøhvit» доля в целом сектора добычи углеводородов в общем ВРП трёх провинций достигла составила менее 0,9% (пример 2018 г.). Доля других добывающих отраслей в ВРП трёх провинций не превышала 0,5%, в то же время доля рыболовства и аквакультуры в их совокупном ВРП в 2015–2019 гг. увеличилась на разницы в 2,8–3,2% и 3,4%–6,1% соответственно, и по удельному вкладу их опережали только строительство и торговля – 7,7% и 7,3% соответственно. Доля государственного управления и обороны, образования, науки и НТР, здравоохранения и социальной помощи, транспорта к концу указанного периода составляла 10,7%, 7,9%, 2,9%, 16,5%, 4,4% соответственно.

В первое двадцатилетие XXI в. рост ВРП арктических регионов Норвегии составил 42%. Сектор услуг, как частных, так и государственных, во второй половине 2010-х гг. показывал стабильное сокращение вклада в ВРП (35% в 2018 г.). В расчёте на душу населения ВРП в циркумполярных провинциях Норвегии ниже, чем в неарктических регионах (разница в прим. 28 тыс. долл. США по ППС), однако в части располагаемых доходов на душу имеется отрыв в пользу арктических регионов (прим. 2 тыс. долл. США).

Выводы

Как следует из представленных результатов, с середины 2000-х гг. в трёх крупнейших прибрежных государствах Арктики (Канада, Норвегия и США) сложились три принципиально различных модели эконо-

мического развития циркумполярных регионов. Потенциал и ограничения их экономики определяются наличием населения, его возрастными и квалификационными характеристиками, идентификация и наличие устойчивой психологической связи с приарктическими территориями имеют критическое значение для эффективности политики освоения и развития регионов Арктики. Степень «арктической урбанизации» не компенсирует крайне высокую разреженность поселенческой сети, низкую транспортную доступность и параметры логистического плеча в условиях удалённости от крупных экономических центров. По состоянию на 2018 г. арктические регионы произвели до 0,7% мирового ВВП, причём на долю РФ приходилось доля в 73% вклада в этот показатель. Канада, имея второе место по площади арктических регионов, дала лишь 2% от вклада экономики мировой Арктики в глобальный ВВП. На долю США (Аляска) пришлось ок. 10% всего ВРП арктических регионов.

Научно-прикладное решение задач сбалансированного развития арктических территорий России закономерно формирует запрос на анализ и адаптацию аналогичного зарубежного опыта. При этом внутри самой АЗРФ имеются существенные внутренние различия, она не обладает внутренней однородностью с точек зрения истории заселения и освоения, демографических и климатических условий, качественных и количественных показателей промышленности и инфраструктуры. Внутри АЗРФ целесообразно проводить внутреннюю дифференциацию следующих Европейского, Уральско-Красноярского и Дальневосточного секторов, которые характеризуются существенными различиями в части плотности населения, диверсификации экономики, отраслевой структуры промышленности, развития транспортной инфраструктуры. Представляется, что применение данной диверсификации позволяет эффективно исследовать и адаптировать зарубежный опыт.

Статья подготовлена за счёт средств целевой субсидии на выполнение государственного задания «Разработка и обоснование системы показателей для целей моделирования сбалансированного социально-экономического развития арктических территорий» (номер государственной регистрации АААА-А19-119020490098-1).

Библиографический список

1. Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2014. 500 p.
2. Berman M., Howe L. Remoteness, Transportation Infrastructure, and Urban-Rural Population Movements in the Arctic // Proc. Int. Conf. Urbanisation of the Arctic, Nuuk, Greenland, August 2012. Stockholm: Nordregio, 2012. P. 108–122.
3. Canada's Arctic and Northern Policy Framework. Government of Canada. 2019. September. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587> (дата обращения: 15.11.2021).
4. Canada's Northern Strategy: Our North, Our Heritage, Our Future. Ottawa, 2009. P. 40 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.canada.ca/en/news/archive/2013/08/canada-northern-strategy.html> (дата обращения: 15.11.2021).
5. Canada's Arctic Agenda: Into the Vortex. Edited by John Higginbotham and Jennifer Spence. Waterloo, 2019. 18 p.
6. Glomsrød S., Duhaime G., Aslaksen I. The Economy of the North 2015; 2020. Oslo: Statistisk sentralbyrå, 2017. 168 p.; 2021. 200 p.
7. Meld. St. 9 (2020-2021) Melding til Stortinget. Mennesker, muligheter og norske interesser i nord. Oslo, Departementenes sikkerhets- og serviceorganisasjon. 2020. 189 s.
8. National Security Decision Memorandum. December 22, 1971. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nixonlibrary.gov/virtuallibrary/documents> (дата обращения: 15.11.2021).
9. National Security Presidential Directive/ NSPD-66 / Homeland Security Presidential Directive/HSPD-25. January 9, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hsdl.org/?view&did=232474> (дата обращения: 15.11.2021).
10. Regjeringens nordområdestrategi, 01.12.2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/regjeringens-nordomradestrategi/id448697> (дата обращения: 15.11.2021).
11. Statistics Canada. [Электронный ресурс] URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/type/analysis?MM=1> (дата обращения: 15.11.2021).
12. Statistisk sentralbyrå. Publiseringssarkiv. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ssb.no/publiseringssarkiv> (дата обращения: 15.11.2021).
13. U.S. Bureau of Economic Analysis. GDP and Personal Income Mapping. [Электронный ресурс] URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?reqid=99&step=1#reqid=99&step=1&isuri=1> (дата обращения: 15.11.2021).
14. Вербиненко Е.А., Бадылевич Р.В. Финансовое регулирование развития арктических территорий в зарубежных странах // Фундаментальные исследования. 2017. № 4-1. С. 126-132.
15. Казанин А.Г. Арктическая политика США и Канады и ее нефтегазовый аспект // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 46-57.
16. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Мировая Арктика: природные ресурсы, расселение населения, экономика // Арктика: экология и экономика. 2018. № 3 (31). С. 3-22.
17. Никитина Е.Н. Арктические трансформации: ТНК перед новыми вызовами устойчивого развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. № 11. С. 65-87.
18. Рыжова А.В. Арктическая политика либерального правительства Канады // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 2 (59). С. 155-173.
19. Селин В.С. Экономическая политика в Арктике: сравнительный анализ // Проблемы развития территории. 2016. Вып. 5 (85). С. 176-190.